

Научная статья

УДК 811.161.1'42

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-5-25

Лингвосоциальные и философские аспекты дискурса пьесы Б. Шоу «Пигмалион»

Александр Борисович Алексеев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Москва, Россия

neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Аннотация

Статья посвящена изучению лингвосоциальных аспектов дискурса начала XX в., прежде всего в том виде, в котором они представлены в пьесе Б. Шоу «Пигмалион», написанной в 1912 г. и погруженной в атмосферу Англии того времени. Определение термина «дискурс» дается в соответствии с теорией М. Фуко. Указывается, что любой дискурс неразрывно связан с историческими факторами его порождения, идеологией и – в более широком понимании – мировоззренческими установками людей, живущих в конкретную историческую эпоху. Применяются общенаучные методы наблюдения, интерпретации, индукции; одновременно используется лингвистический методологический инструментарий, представленный лингвопрагматическим и лингвостилистическим подходами к дискурсу. Акцентировать важность и динамичность лингвосоциальных аспектов дискурса позволяет метод критического дискурс-анализа. Установлено, что в основу сюжета изучаемой пьесы положено обсуждение героями ряда, с одной стороны, бытовых, тривиальных, а с другой – философских, и в особенности лингвофилософских, проблем. В результате автор проливает свет на отношение его современников к языку (конкретным языкам) и определенным социальным группам, выделяемым в том числе исходя из степени владения их членов «правильным» английским. Подчеркнут гибридный характер дискурса литературного труда Б. Шоу, заметное место в котором занимают обыденные и обыденно-философские дискурсивные практики. Последние могут как способствовать распространению лингвосоциальных предубеждений, так и образовывать альтернативный дискурс.

Ключевые слова

гибридный дискурс, обыденный дискурс, философский дискурс, колониально-языковая идеология, Б. Шоу, Пигмалион

Для цитирования

Алексеев А. Б. Лингвосоциальные и философские аспекты дискурса пьесы Б. Шоу «Пигмалион» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 2. С. 5–25. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-5-25

Sociolinguistic and Philosophical Discursive Aspects of B. Shaw's Play 'Pygmalion'

Alexander B. Alexeyev

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
Moscow, Russia

neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Abstract

The article dwells on linguo-social aspects of the early 20th century discourse, primarily as they are shown in B. Shaw's play 'Pygmalion', written in 1912 and steeped in the atmosphere of the England of that time. The definition of the term 'discourse' is given in accordance with M. Foucault's theory. It is pointed out that any discourse is inextricably linked with historical factors of its origination as well as the ideology and – in a broader sense – the worldview of people living in a concrete historical epoch. General scientific methods of observation, interpretation and induction have been used. Linguistic methods including linguo-pragmatic and linguo-stylistic approaches to discourse have also been applied. The method of critical discourse analysis makes it possible to emphasize the importance and dynamism of discursive linguo-social aspects. It has been found that the plot of the play is mainly built by the heroes' exchange on a number of trivial problems. On the other hand, it has philosophical and in particular linguo-philosophical issues that make up the core of the book. As a result, the author sheds some light on his contemporaries' attitude to language (languages) as well as to certain social groups distinguished – among other criteria – from the point of view of their members' fluency in received/standard English. The hybrid character of B. Shaw's literary discourse is highlighted. It has been shown that, within the analyzed discourse framework, everyday and mundane philosophical discursive practices play a prominent role. The latter can be conducive to the spread of (linguo-social) prejudices but at the same time it is not uncommon for them to serve as a basis for an alternative discourse.

Keywords

hybrid discourse, mundane discourse, philosophical discourse, linguocolonial ideology, B. Shaw, Pygmalion

For citation

Alexeyev A. B. Sociolinguistic and Philosophical Discursive Aspects of B. Shaw's Play 'Pygmalion'. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communications, 2023, vol. 21, no. 2, pp. 5–25. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-2-5-25

Введение

Междисциплинарное понятие «дискурс» не имеет однозначной интерпретации. Следуя концепции М. Фуко [Foucault, 1972, 1978], дискурс можно трактовать в терминах общенациональной, исторически и идеологически предопределенной коммуникации, лишь условно – в аналитических целях – делимой на какие-либо тематические составляющие («политический дискурс», «юридический дискурс» и т. п.). На самом деле, исследователю часто приходится иметь дело с гибридными дискурсивными разновидностями – дискурсами, находящимися на стыке, как минимум, двух дискурсивных подсистем, вобравшими в себя элементы нескольких языковых сред, которые – в случае институциональной коммуникации – отразили контакт различных социальных институтов.

В статье освещается драматургический дискурс, который, на наш взгляд, должен быть изображен сложным, многоплановым явлением: с точки зрения оказания эстетического воздействия на читателя и донесения до него автором определенных мыслей – как одна из разновидностей художественного дискурса, связанная с историко-культурным и театральным дискурсами, но не редуцируемая к ним [Борботько, 2014; Каримова, 2012, 2015]; с точки зрения анализа речений персонажей – как дискурс (совокупность дискурсов), носящий обыденный характер, но не всегда лишенный институциональных черт. Именно второе понимание драматургической коммуникации ложится в основу данной работы.

В лингвистике интерес к обыденным дискурсам растет, что объясняется широкой представленностью обыденного общения как в реальной, повседневной жизни [Трубецкова, 2021, с. 187; Rodionova, Privalova, 2020, p. 40], так и онлайн, в Интернете, что дает импульс для разви-

тия новых коммуникативных пространств, например киберспортивного дискурса [Мальцева, Лебединская, 2022; Мальцева, 2022]. Виртуальная культура, влияя на политику [Чивильгина, Галичкина, 2020; Boyd, 2014], делопроизводство, юриспруденцию и т. п., а также на литературу и искусство, влечет изменение всех коммуникативных сфер, привнося в них неформальность, активно проникающую даже в строго институциональные дискурсы, в том числе функционирующие в режиме оффлайн. Образуется течение *cancel culture*, предполагающее «почин по “отмене” известных людей» [Фефелов, 2022, с. 127], отвергаются нормы политкорректности [Кондакова, Принципалова, 2021; Curzan, 2014, p. 114]. В рамках становления (по крайней мере на Западе) обществ изобилия и потребления дает о себе знать социальный запрос на развлекательность любых форм межчеловеческой интеракции. Как следствие, возникают тейнмент-дискурсы: инфотейнмент, политейнмент, бизнестейнмент, спортейнмент, сайенсейнмент, адьютейнмент [Грошева, 2022, с. 31; Кривоносов, 2016, с. 72].

На этом фоне драматургический и в целом художественный дискурс, с одной стороны, может не восприниматься всерьез, особенно если речь идет о классических произведениях и литературных предпочтениях поколений Y¹ и Z, но с другой, как это ни странно, быть весьма своевременным, ведь театральность, присущая постмодернистской культуре, ярко отражается в драматургических произведениях [Каримова, 2015, с. 47]. Неслучайно, что в них достаточно часто заявлен протест против диктата общества и доминирующей идеологии; не лишены они, конечно, и элементов интерактивности. Как минимум в историческом плане, в классической драматургии присутствует момент эпатажа, или языковой игры (в витгенштейновском понимании последней), проявляющийся, к примеру, в выборе авторами неодобряемых социумом тем или использовании слов-табу². Все это определяет актуальность исследований драматургического дискурса именно в широкой – лингвосоциальной – перспективе.

Материал и методология исследования

Материалом для настоящего филологического исследования послужила одна из самых известных литературных работ Б. Шоу – пьеса «Пигмалион». Она была написана в 1912 г. и повествует о педагогическом эксперименте, предпринятом профессором-лингвистом Г. Хиггинсом, занимающимся фонетикой: попытке обучения бедной девушки, цветочницы Элизы Дулиттл, говорящей на диалектно-просторечном варианте английского языка кокни, стандартному произношению, нормативной грамматике и аристократическим манерам поведения.

Поскольку выбранное художественное произведение является не просто одним из классических образцов британской литературы начала XX в., но и содержит в себе много интересного для исследователя, занимающегося английским языком и его преподаванием, оно неоднократно становилось объектом лингвистического анализа, в том числе предприняемого молодыми учеными [Биктимерова, 2020; Васенева, 2010; Князева, 2015; Сазонова, 2018]. Это свидетельствует о жизненности творчества Б. Шоу, непреходящий характер которого определяется, помимо прочего, нетривиальностью социальной и философской проблематики, поднимаемой в нем, также находящей отражение в филологических публикациях [Кизима, 2007; Флоря, 2018].

В целом обзор научной литературы позволяет констатировать, что «Пигмалион», привлекая внимание исследователей богатством своего языка, обилием идиом и лингвостилистических средств, представляющих несомненные переводческие трудности, а также освещением феминистских и – в меньшей степени – социально-классовых идей, остается во многом неизученным в плане его интердискурсивности, т. е. гибридного характера актуализируемого в нем

¹ Это поколение еще называют «миллениалами» (англ. *millennials*; от *millennium* – тысячелетие).

² Одним из таких слов-табу в произведении Б. Шоу «Пигмалион» является, например, эпитет *bloody* [Шоу, 2022, с. 86].

дискурса, не поддающегося конвенциональной классификации. Речь героев, конечно же, является собой обыденное, повседневное общение, она изобилует коллоквиализмами, лексическими, грамматическими и фонетическими неточностями, лингвопрагматическими неуместностями, которые присущи репликам не только малообразованных людей (Элизы, ее отца), но и педагога Хиггинса, способного вспылить, использовать ругательства, подать плохой пример своей ученице. При этом очевидно, что в произведении актуализируются и такие типы дискурса, как педагогический, лингвистический, философский, пересекающиеся с обыденными дискурсивными практиками, образующими то, что составляет реальную канву коммуникации между художественными персонажами.

Несмотря на отмеченный интерес к творчеству Б. Шоу в целом и его труду «Пигмалион» в частности, на наш взгляд, требуется более подробное изучение соотносительности пьесы со многими лингвосоциальными аспектами, а именно: с вопросами языковой нормы, языкового престижа, распределения дискурсивной власти между персонажами – всеми теми проблемами, волнующими современных лингвистов, но, на самом деле, имевших место (хоть и в совершенно теоретически неосмысленном виде) еще на заре человеческой цивилизации, которая и развивалась лишь потому, что была с самого своего возникновения опосредована коммуникативной – по определению, социальной – деятельностью людей.

Для комплексного рассмотрения дискурса в междисциплинарной парадигме исследований используются как общенаучные (общегуманитарные), так и лингвистические научные методы. Первые в рамках настоящей статьи включают такие хорошо известные способы изучения дискурсивных практик, как наблюдение, интерпретация, индукция. Вторые базируются на ключевых постулатах дискурсивной лингвистики, в том числе на трактовке дискурса согласно теории М. Фуко, который видел в дискурсе универсальное культурное явление, неразрывно связанное с историческим и идеологическим контекстами, не сводящееся к языку, но представляющее собой сложную семиотическую систему, предназначенную для легитимации и трансляции знаний (фр. *savoirs*), а через них – власти (фр. *pouvoir*) [Foucault, 1978, p. 101].

С целью экспликации дискурсивных практик в исследовании мы обращаемся к методам лингвопрагматического, лингвостилистического и критического дискурс-анализа (КДА), классическая версия которого предполагает нахождение острых, актуальных социальных проблем и их анализ посредством лингвистического инструментария. При этом в КДА нет стремления к достижению мнимой научной объективности, а приоритет отдается открытому выражению точки зрения на коммуникативные явления, их желательность или вредность, целесообразность или неуместность, ведь, как пишет Н. Фэркло, подчеркивая социальную направленность критической лингвистики, «осознание – первый шаг к освобождению» [Fairclough, 1989, p. 1]. Специалисты, применяющие КДА и связанную с ним нормативную и эксплицитную критику, не ограничиваются описанием паттернов употребления языка, но соотносят последние с дискурсивными, а по существу, социальными практиками [Ibid., p. 22].

Элементы колониально-языковой идеологии начала XX в. в дискурсе пьесы Б. Шоу «Пигмалион» и их влияние на социальный статус героев

То, что дискурс детерминруется идеологией, является одной из базовых теоретических предпосылок предпринимаемого исследования. Любая идеология формируется в результате коммуникативной деятельности людей, и ее материальное воплощение тоже представляет собой семиотическую систему, транслируемую через язык. Специфика использования языка и система взглядов на него различных национальных и социальных групп могут составлять основу идеологии. Недаром ученые ведут речь о языковой политике³, а моральные паники –

³ Языковую политику можно интерпретировать не просто как действия государства в отношении языка или группы языков, но и как совокупность стереотипов, мнений, убеждений, разделяемых социумом или его ча-

термин британского социолога С. Коэна – возникают по поводу, казалось бы, тривиальных проблем, но связанных с языком [McEneaney, 2009].

Начало XX в. отмечено расцветом колониализма и торжеством колониальной идеологии, а на ее фоне и многочисленных предубеждений и предрассудков. Колониальная – а в аспекте языковой политики, по сути, колониально-языковая – идеология поддерживалась мощными социально-политическими мифами; она получила в том числе философское обоснование. В частности, английский ученый Э. Тайлор, внесший существенный вклад в эволюционистскую теорию культуры, отрицал самобытность народов и считал, что для того чтобы цивилизации могли достичь высшего уровня, все они должны пройти европейский путь развития. Таким образом, в его видении культурные, или цивилизационные, процессы с одной стороны универсальны, но с другой – представляют собой ступени развития социумов [Tylor, 1871]. Несколько ранее весьма схожие идеи высказывал другой авторитетный исследователь, соотечественник Э. Тайлора и основоположник эволюционизма Л. Морган, выделяя семь стадий восхождения *Homo sapiens*: от примитивного дикаря (англ. lower savage) до человека, постигшего плоды цивилизации [Morgan, 1877, pp. 10–12].

Как влияют подобные воззрения на отношение общества к языкам и их диалектам? В Британии – Лондоне и близлежащих территориях – кокни, на котором говорит главная героиня пьесы «Пигмалион» Элиза Дулиттл, сохраняется по сей день, хотя социокультурные изменения, имеющие место в столице, по мнению ученых, могут привести к его исчезновению [Давыдова, Уварова, 2019, с. 78]. С точки зрения современной лингвистики и культурного мейнстрима в целом – с их относительным, но активно декларируемым демократизмом, доктриной равенства языков и диалектов [Gilyard, 2011. P. 30], стремлением ограничить неполиткорректность, несмотря на всю противоречивость последнего понятия, в свете протеста символических народных масс против элитарной культуры и создания cancel culture, наделяемого положительными коннотациями [Кондакова, Принципалова, 2021; Фефелов, 2022; Curzan, 2014. P. 114], о чем говорилось еще во введении, – кокни является легитимным средством коммуникации, но во время написания Б. Шоу рассматриваемой пьесы ситуация была принципиально иной. Чтобы лучше понять ее, необходимо, пусть и кратко, продолжить экскурс в лингвофилософию начала XX в.

В это время существовало несколько заблуждений насчет языка и конкретных языков, которые не были, конечно, изолированными и помещались в более общие структуры доминирующих идеологий, не лишённые элементов расизма, эйджизма и проявлений сексизма. Ведя речь об «измах» 1900-х гг., отметим также прескриптивизм и лингвистический пуризм, получившие распространение еще в Новое время в результате создания мифов о вежливости в стандартном английском [Watts, 2011, p. 131]. Суть данных мифов сводится к следующим постулатам, достаточно точно выражаемым с помощью двух метафор: «язык – это человек» и «человек – это язык, на котором он говорит». Как и человек, язык может расти, развиваться, изменяться в лучшую сторону, исправляться, но он подвержен заражению, серьезным болезням и, в конечном итоге, смерти. Некоторые из данных метафорических смыслов прочно вошли даже в научный дискурс⁴. Второй принцип («человек – это язык») можно передать следующей цитатой: «Речь⁵ – это характер человека. Она является непосредственным отражением его души и умственных способностей» [Rhodes, 2007, p. 11].

В сознании людей начала XX в. существовали «необычные», «экзотичные» и «неправильные» языки. К ним, за редким исключением, относилось большинство языков Азии и Афри-

стью, об определенных лингвистических вопросах, продвигаемых на уровне культуры и являющихся ее неотъемлемой частью, внедряемых в общественное сознание как через влиятельные институты, а точнее, формирующиеся на их основе институциональные дискурсы, так и на микроуровне, в парадигме общения «человек – человек», иногда выплескиваемых в моральные паники и прочие негативные социальные проявления [Михайлова, 2021, с. 32].

⁴ Так, термины «живой язык», «мертвый язык», «жизнь языка», «смерть языка» являются антропоморфными.

⁵ В дососсуровской лингвистике понятия «язык» и «речь», как правило, отождествлялись.

ки. В своем экстремальном варианте такая лингвистическая установка выливалась в полное неприятие неевропейских лингвокультур, их особенностей и характерных черт. Как отметил в 1910 г. антрополог Л. Леви-Брюль, широкая представленность идеофонов⁶ (по его мнению, языковых излишеств, «игрушек») в юго-восточных азиатских и субэкваториальных африканских языках закономерно коррелировала с отсталостью населения, на них говорившего. Сохранилось высказывание голландского филолога Яна Брандеса по поводу одного из трех регистров яванского языка, кроме, в котором он называл последний «патологическим образованием», «уродливой опухолью», возникшей вследствие «школьной муштры с ее педантизмом» [цит. по: Доррен, 2020, с. 103], что неизбежно бросало тень и на сам яванский язык⁷.

Важнейшие филологические исследования в Европе проводились только на материале европейских языков, за исключением санскрита, чье открытие сыграло важную роль в становлении сравнительно-сопоставительного языкознания⁸. Особенности даже китайского и индостанского⁹ изучались поверхностно. Как свидетельствует Г. Доррен, западные ученые долгое время придерживались прискорбной традиции строить лингвистические теории на основе анализа 5–6 языков: английского, немецкого, французского, латыни и греческого. Из арабского приводились лишь клишированные примеры. Еще в 1960-х и 1970-х гг. Н. Хомский, разрабатывая универсальную грамматику человеческого языка, руководствовался в своей научной деятельности считанными образцами, а по сути, исходил из специфики английской речи [Там же, с. 45].

В пьесе «Пигмалион» отражено пренебрежительное отношение Хиггинса к самому процессу изучения иностранных языков, что для лингвиста, подходящего к этому вопросу с позиции современности, кажется странным, но что не должно быть удивительным при диахроническом взгляде на данную проблему:

HIGGINS. He can learn a language in a fortnight—knows dozens of them. A sure mark of fool. As a phonetician, no good whatever (Шой, 2022, с. 100).

Хиггинс выражает мысль, согласно которой знание большого количества языков – признак дурачества. Для него есть только одна наука – фонетика, и, по его мнению, исследования в ней должны проводиться только на материале английского (или санскрита), что, как мы имеем возможность убедиться, вполне соответствует духу лингвосоциальных воззрений начала XX в. При этом попытка изучения фонетики на материале санскрита – мертвого литературного языка Индии – представляет собой парадокс. В пьесе даже встречается в некоторой степени оксюмороническое словосочетание ‘Spoken Sanskrit’:

THE NOTE TAKER [eagerly] ...Do you know Colonel Pickering, the author of Spoken Sanskrit? (Шой, 2022, с. 21).

Упоминаются в анализируемом произведении и названия иных европейских языков: греческого, венгерского, французского. Умение говорить на одном из них, прежде всего французском, связывается, с одной стороны, с приобщением к высокой европейской культуре, но с дру-

⁶ Идеофон (от греч. *idéa* – идея, *φωνή* – звук) – звукоподражательное или звукоизобразительное слово. Идеофоны присутствуют во всех языках мира, но их значительно больше в корейском и вьетнамском, чем, допустим, в немецком или французском. Примерами вьетнамских идеофонов могут служить слова *mèo* (кошка), *bò* (корова), *dê* (коза), *hát xì* (чихать) [Доррен, 2020, с. 46].

⁷ В оправдание ученого можно сказать, что сами яванцы не любят кроме за излишнюю формальность, предпочитая неформальный регистр – нгоко. Яванский, будучи родным для почти 100 миллионов индонезийцев, тем не менее никакого официального статуса в Индонезии не имеет. Учитывая, что в яванских семьях с детьми все чаще говорят на индонезийском (*bahasa Indonesia*), а не родном языке, в будущем существует риск вымирания яванского, что является парадоксальной ситуацией для языка с таким количеством носителей [Доррен, 2020, с. 114].

⁸ Санскрит привлек внимание ученых главным образом из-за сходства с латынью и греческим.

⁹ Индоевропейский язык. Его разделение на хинди и урду, начавшееся с «изобретения» урду в XVIII в., было завершено лишь к середине XX в. с образованием исламского государства Пакистан, но и по сей день некоторые лингвисты указывают на искусственность и нежелательность различия хинди и урду [Доррен, 2020, с. 340].

гой – может определяться чисто практическими соображениями, например желанием скрыть недостатки владения английским:

NEPPOMUCK (to Higgins). This Greek diplomatist pretends he cannot speak nor understand English. He cannot deceive me. He is a son of Clerkenwell watchmaker. He speaks English so villainously that he dare not utter a word without betraying his origin (Шоу, 2022, с. 98).

Человек, и в особенности женщина, говорящий на «плохом» английском, искажающий язык У. Шекспира и Дж. Мильтона, по мнению главного героя пьесы, в порыве гнева выражающего лишь одну из «истин» той эпохи, не имеет права ни на что. Рассердившись, профессор отказывает ему, а точнее ей – женщине, – в праве жить:

HIGGINS. A woman who utters such depressing and disgusting sounds has no right to be anywhere – no right to live. Remember that you are a human being with a soul and the divine gift of articulate speech: that your native language is the language of Shakespeare and Milton and The Bible; and don't sit there crooning like a bilious pigeon (Шоу, 2022, с. 19–20).

В данном случае наблюдаем актуализацию сразу нескольких предубеждений: прежде всего идеи, согласно которой использование языка раскрывает не просто характер индивида, его образование, социальное положение и т. п., но полностью определяет, кто он есть (по принципу, изложенному выше: «язык – это человек»). Обратим также внимание на то, как возвышенно относится говорящий к английскому языку, посредством аллегории (the language of Shakespeare and Milton) передавая мысль, что это язык непревзойденных мастеров слова. По ошибке Хиггинс заявляет, что английский – это язык и Библии¹⁰.

Высказывание Хиггинса содержит в себе элементы сексизма, правда не явные: основным объектом критики со стороны говорящего являются особенности речи девушки, а ее гендерная принадлежность упоминается как бы вскользь. С помощью употребления аллитерации (*utters such depressing and disgusting sounds*), эпитетов, аллегории (the language of Shakespeare), метафоры (crooning), сравнения (like a bilious pigeon) говорящий придает высказыванию особую выразительность. Все же красноречие Хиггинса не должно вводить в заблуждение насчет реального смысла, вкладываемого коммуникантом – сознательно или бессознательно – в анализируемую реплику: *женщина* должна, обязана говорить на хорошем английском¹¹.

Идея «язык – это человек» проходит красной нитью через анализируемую пьесу. Важно подчеркнуть, что лингвистические предрассудки и предубеждения разделяют в том числе те люди, против кого они направлены. Так, Элиза придерживается мнения, что никто не пожелает жениться на ней (в следующем диалоге эта мысль выражена риторическим вопросом) – низкой самооценке героини способствует лингвистическая дискриминация со стороны Хиггинса:

HIGGINS. ...Don't you know that a woman of that class looks a worn-out drudge of fifty a year after she's married.

LIZA. Who'd marry me?

HIGGINS [suddenly resorting to the most thrillingly beautiful low tones in his best elocutionary style] By George, Eliza, the streets will be strewn with the bodies of men shooting themselves for your sake before I've done with you (Шоу, 2022, с. 37).

Несмотря на утверждение профессора, что, как только его ученица пройдет курс обучения, у нее будет много женихов, на самом деле, он косвенно соглашается с ее точкой зрения: никто никогда не пожелает связать свою жизнь с цветочницей, не владеющей родным языком.

¹⁰ На самом же деле первый перевод Библии на английский был выполнен в 1380 г. Джоном Уиклифом, который, как и многие другие переводчики Священного Писания, рисковал своей жизнью, осмеливаясь на такой труд.

¹¹ Как замечает А. Цесис, на первый взгляд позитивные формулировки *Most Indians are drunks, but he's a hard worker* (Индийцы любят выпить, но он добросовестный работник), *He may be a Jew, but he's not greedy* (Может быть, он и еврей, но не жадный) не менее расистские, чем несмягченные предложения: *Indians are drunks, Jews are greedy* [Tsesis, 2002, p. 2]; и первые и вторые относятся к дискурсивным практикам, объединяемым под названием риторика ненависти (англ. hate speech).

Лингвосоциальные предубеждения и предрассудки в конечном итоге ведут к полной объективации дискриминируемых индивидов и/или социальных групп, достигаемой в следующем примере через зооморфный метафорический образ¹²:

*HIGGINS (with the roar of a wounded lion). Stop. ... This is what we pay for as elementary education. This **unfortunate animal** has been **locked up** for nine years in school at our expense to teach her to speak and the language of Shakespeare and Milton. And the result is Ah-yee, Ba-yee, Ca-yee, Da-yee. (To Eliza) Say A, B, C, D* (Шой, 2022, с. 70).

Элиза названа несчастным животным, запертым на девять лет в школе, – с помощью еще одной метафоры школа уподобляется тюрьме. Фраза Хиггинса – это критика образовательной системы Англии начала XX в., но очевидно также, что слова учителя, внушая сочувствие к бедной девушке, презентуют ее в нелестном свете и являются оскорблением. Именно так чаще всего и работают дискредитирующие дискурсивные практики: отнюдь не всегда они однозначны и нередко могут транслировать по отношению к объекту дискредитации спектр разных эмоций, в том числе позитивных. Однако не стоит обманываться насчет их воздействия на маргинализируемого индивида или социальную группу – оно негативное.

Адепты колониально-языковой идеологии абсолютизировали в целом верное понимание языка как культурно и социально дифференцирующего механизма, возводя язык в ранг непогрешимого социального инструмента, могущего помочь отличить «их» от «нас». С точки зрения лингвосоциальной этики начала XX в., разделение общества на аристократов и низы вполне закономерно и обоснованно, поскольку не все люди способны овладеть сложной системой (лингвистических) знаний, усвоить которую необходимо для того, чтобы принадлежать высшему обществу. Однако Хиггинс верит, что он может ввести цветочницу в свет в течение трех месяцев. В этом, с одной стороны, проявляется характерная для него черта – тщеславие, а с другой – он просто руководствуется своими воззрениями, в чем-то даже достаточно прогрессивными, которые позволяют ему предпринять такой смелый эксперимент:

*HIGGINS. Well, sir, in three months I could pass that girl off as **a duchess** at an ambassador's garden party. I could even get her a place as **lady's maid** or **shop assistant**, which requires better English* (Шой, 2022, с. 20).

В анализируемой реплике слова «герцогиня», «горничная», «продавщица в магазине» – контекстуальные синонимы: все они индицируют желаемый, но на данный момент недостижимый для Элизы социальный статус.

Применяя современную социологическую терминологию П. Бурдьё, можно сказать: язык – форма культурного и социального капитала [Watts, 2011, p. 198]. Владение престижным национальным языком, и в особенности его стандартной формой, дает существенные социальные преимущества¹³. В начале XX в. с его идеологическими установками, изложенными выше, для подавляющего большинства жителей Альбиона в приоритете был нормативный английский, а его многочисленные диалекты – кокни может служить одним из примеров – считались «плохим» языком. Людям, говорившим на них и не знавшим стандарта, было чрезвычайно трудно достичь успеха в жизни, необходимо было переучиваться. Именно это наблюдение было вплетено в канву сюжета пьесы «Пигмалион»: Элиза находится на низкой ступени социальной лестницы не столько потому, что она бедная цветочница, сколько в связи с тем, что она

¹² В некоторых дискурсах, например дискурсе смешанных единоборств (англ. MMA discourse), зооморфные и криминальные метафоры не несут уничижительных смыслов, но это скорее исключение из правил.

¹³ Приведем еще один пример того, как языковой престиж детерминирует лингвистические предпочтения населения. Несмотря на старания правительств ряда латиноамериканских стран (Перу, Боливии, Эквадора, Парагвая и т. д.) по сохранению и популяризации индейских языков, в частности, придания таким языкам, как кечуа, аймара и гуарани, официального статуса, в плане языкового престижа владение ими не идет ни в какое сравнение со знанием испанского. Именно поэтому в индейских семьях с детьми нередко говорят не на родном, а на испанском языке, что создает угрозу постепенного вымирания даже самого распространенного индейского языка – кечуа. Как отмечалось в сносках ранее, схожая ситуация с яванским языком в Индонезии.

не имеет образования¹⁴ и, что особенно важно, говорит на «испорченном» английском языке, а точнее, между данными состояниями героини есть взаимозависимость. Хиггинс, пользуясь эмоционально окрашенной лексикой, формулирует эту мысль так:

HIGGINS. You see this creature with her kerbstone English: the English that will keep her in the gutter to the end of her days (Шоу, 2022, с. 20).

Gutter – ‘сточная канава’, kerbstone – ‘бордюрный камень’; последнее существительное употреблено в атрибутивной функции для характеристики языка, а по сути, девушки, говорящей на нем; с точки зрения лингвостилистики наблюдаем в данном случае такое явление, как переносный эпитет.

Для говорящего цветочница – живое существо (creature), искажающее английский язык, справедливо обреченное жить на дне общества (досл. ‘в канаве’); она всего лишь объект для лингвистического наблюдения, одна из многих. Неудивительно, что ученый вскоре теряет интерес к ней, и ее внезапное появление у него дома – неожиданность и разочарование для лингвиста:

HIGGINS [brusquely, recognizing her with unconcealed disappointment, and at once, baby-like, making an intolerable grievance of it]. Why, this is the girl I jotted down last night. She's no use: I've got all the records I want of the Lisson Grove lingo; and I'm not going to waste another cylinder on it. [To the girl] Be off with you: I don't want you (Шоу, 2022, с. 20).

Происходит актуализация такого тропа, как метонимия (to jot down the girl), передающего всю ту же идею: Элиза не рассматривается в качестве человека, испытывающего какие-либо чувства¹⁵ или тем более заслуживающего внимания (в лучшем случае – сострадания), применение невежливости, демонстрируемой и лингвистически (через повелительное наклонение, избрание речевого акта, передающего требование удалиться), и паралингвистически (грубая интонация; ключевое слово в этой связи – brusquely), и экстралингвистически (открытая манифестация негативных эмоций).

Обыденный и обыденно-философский дискурсы пьесы «Пигмалион»

Философия (др.-греч. φιλία – ‘любовь’, σοφία – ‘мудрость’) – одна из форм мировоззрения¹⁶. Каждый человек, задумывающийся над смыслом бытия, занимается философствованием. Однако понятие «философствование» (англ. philosophizing) может приобретать пейоративную окраску и фактически означать чрезмерное умничанье и бездеятельность, особенно в рамках обыденной повседневной коммуникации, в которой глубокие мысли порой неуместны и вызывают отторжение собеседников¹⁷.

Будем исходить из следующего определения обыденно-философского дискурса: повседневно-обыденный, непрофессиональный философский дискурс, не наделенный институцио-

¹⁴ Понятие «образование» не следует трактовать с позиции современности: речь не идет о высшем образовании, ведь в начале прошлого века практика обучения в университете не была повсеместной, особенно для девушек – множество предубеждений, царивших в обществе, не позволяло представительницам прекрасного пола учиться, что называется, en masse. Не следует, однако, делать и другой поспешный вывод, что якобы все женщины той эпохи были малограмотными. Напротив, девушки-аристократки, получавшие в основном домашнее обучение, отличались начитанностью, нередко свободно владели несколькими иностранными языками, прежде всего французским, и обладали хорошими манерами. На их фоне Элиза действительно выглядела невзрачно.

¹⁵ Ср.: PICKERING [in good-humored remonstrance] Does it occur to you, Higgins, that the girl has some feelings? HIGGINS [looking critically at her] Oh no, I don't think so. Not any feelings that we need bother about (Шоу, 2022, с. 39).

¹⁶ Помимо философского мировоззрения (нем. philosophische Weltanschauung), можно выделить обыденный, религиозный и научный типы восприятия окружающей действительности. Исторических форм познания мира насчитывают всего три: мифологическое, религиозное и философское мировоззрения.

¹⁷ Во втором значении лексемы philosophize указывается на моралистический и поверхностный характер философской деятельности: to expound a moralizing and often superficial philosophy (<https://www.merriam-webster.com/dictionary/philosophize>).

нальным характером, относящийся тем не менее к обсуждению серьезных вопросов, связанных с мирозданием, экзистенцией человека, его познавательными возможностями, этикой и моралью.

В анализируемой пьесе философские высказывания характерны для личности Хиггинса. Прежде всего в этой связи следует отметить педагогическую философию главного героя. Его подход к образовательному процессу изначально глобален. Как замечает М. П. Кизима: «Уроки фонетики постепенно перерастают в уроки культуры..., где содержание и форма гармонично взаимосвязаны, где они выражают суть человеческих отношений, где человек внешний и человек внутренний соединяются...» [2007, с. 12].

Итак, Хиггинс планирует обучать девушку не только произношению и грамматике, но и хорошим манерам, а более широко – культуре поведения ввиду важности этого аспекта для «реформатора человеческой природы» [Флоря, 2018, с. 240], коим ученый мнит себя вопреки тому обстоятельству, что в ситуации повседневного общения он сам, как правило в силу рассеянности, порой забывает про приличие и необходимость следовать им же одобряемым правилам:

HIGGINS (indignantly): I swear! (Most emphatically). I never swear. I detest the habit. What the devil do you mean? (Шой, 2022, с. 50).

Ср.: *HIGGINS. Oh, have I been rude? I didn't mean to be*¹⁸ (Шой, 2022, с. 78).

Обыденный характер дискурса подчеркивается несоответствием смысла реплики ее лингвистическому содержанию: отрицая факт того, что он когда-либо употребляет ругательства, говорящий в силу привычки прибегает к одному из них, что придает сцене оттенок комичности. Хиггинс оправдывает свое речезыковое поведение, с одной стороны, референцией к лингвистическим талантам, которыми он, несомненно, наделен, называя себя даже поэтом, а с другой, как признается герой пьесы, давая уже более объективную оценку своим поступкам, в том числе коммуникативным, – склонностью к инфантильности, ребячеству. Последняя мысль выражается посредством отрицательной конструкции (*I've never been able to*), эпитетов (*shy, diffident, tremendous*), сравнения (*like other chaps*):

MRS PEARCE. Only this morning, sir, you applied it [the epithet 'bloody'] to your boots, to the butter, and to the brown bread.

HIGGINS. Oh, that! Mere alliteration, Mrs. Pearce, natural to a poet (Шой, 2022, с. 51).

Ср.: *HIGGINS. You know, Pickering, that woman has the most extraordinary ideas about me. Here I am, a shy, diffident sort of man. I've never been able to feel really grown-up and tremendous, like other chaps. And yet she's firmly persuaded that I'm an arbitrary overbearing bossing kind of person. I cant account for it* (Шой, 2022, с. 51).

Об инфантильности профессора свидетельствуют и комментарии его матери, которая нередко относится к своему сыну как к маленькому ребенку:

MRS HIGGINS. You silly boy... (Шой, 2022, с. 89).

Ср.: *MRS HIGGINS. Do you know what you would do if you really loved me, Henry?*

HIGGINS. Oh bother! What? Marry, I suppose.

MRS HIGGINS. No. Stop fidgeting and take your hands out of your pockets. (With a gesture of despair, he obeys and sits down again). That's a good boy... (Шой, 2022, с. 75).

Внутренние противоречия, которые можно представить себе в виде бинарных оппозиций «учитель – ученик», «взрослый – ребенок», «прогрессивный ученый – ограниченный человек», в конце пьесы осложняющиеся еще одной, а именно «успешный педагог – неудачливый наставник/ментор», свойственны Хиггинсу, чей характер, по мнению исследователей, построен на парадоксе [Васенева, 2010, с. 135], можно даже сказать в этой связи – серии парадоксов.

При всех недостатках, свойственных его личности, профессор старается привить своей ученице определенные, как правило прогрессивные, но иногда противоречивые, взгляды

¹⁸ В приведенном примере наблюдаем признание героя пьесы в том, что он использовал невежливость по ошибке (фр. *faux pas*) [Culpeper, 2011, p. 31], по всей видимости, вследствие своей растерянности.

на жизнь, как в следующем эпизоде, где советует ей в силу ее молодости не думать о будущем:

MRS. PEARCE. ... She should think of the future.

HIGGINS. At her age! Nonsense! Time enough to think of the future when you haven't any future to think of. No, Eliza: do as this lady does: think of other people's futures; but never think of your own. Think of chocolates, and taxis, and gold, and diamonds (Шоу, 2022, с. 41).

В приведенной реплике, находящейся на пересечении различных дискурсивных практик (повседневной, педагогической, философской) есть элементы эйджизма, а именно: явное акцентирование возраста и совет выбирать тип поведения. Высказывание продвигает идеи гедонизма – аксиологической установки, ставящей во главу угла получение удовольствия¹⁹. Гедонистические аспекты реплики выражаются указанием на сладости (chocolates), комфорт (taxis), предметы роскоши (gold, diamonds); все эти существительные посредством полисиндетона, или многосоюзия (and..., and..., and...) ставятся в контекстуальные синонимические отношения.

Философский дискурс вводится риторическими вопросами, а также – в особенности в его непрофессиональной, неинституциональной разновидности – наставлениями, эксплицируемыми глаголами во втором лице повелительного наклонения, не адресованными никому конкретно, но даваемыми всем людям:

HIGGINS [becoming excited as the idea grows on him]. What is life but a series of inspired follies? The difficulty is to find them to do. Never lose a chance: it doesn't come every day (Шоу, 2022, с. 35).

Обыденно-философский дискурс часто носит персонализированный характер: говорящий обращается к своему жизненному опыту или личности собеседника; иногда неформальность дискурса подчеркивается использованием в нем ругательных слов, а также, в аспекте интердискурсивности, быстрой сменой тем от возвышенно-абстрактных до весьма конкретных бытовых вопросов:

HIGGINS. You see, we're all savages, more or less. We're supposed to be civilized and cultured – to know all about poetry and philosophy and art and science, and so on; but how many of us know even the meanings of these names? (To Miss Hill) What do you know of poetry? (To Mrs. Hill) What do you know of science? (Indicating Freddy) What does he know of art or science or anything else? What the devil do you imagine I know of philosophy?

MRS HIGGINS (warningly). Or of manners, Henry? (Шоу, 2022, с. 80–81).

Оратор в лице Хиггинса выступает в приведенном фрагменте дискурса агностиком и скептиком. Уже первым предложением, в котором он называет всех людей в большей или меньшей степени дикарями, ученый отрицает ряд положений колониально-языковой идеологии, рассмотренной ранее, а далее посредством цепочки риторических вопросов ставит под серьезное сомнение компетентность конкретных индивидов, окружающих его в момент речи и, как следствие, использует невежливость, а именно нападение на лицо отношений (англ. relational face)²⁰ собеседников. При этом он не щадит и себя: подобно древнегреческому мудрецу, утверждавшему «Я знаю, что я ничего не знаю», Хиггинс подчеркивает свое невежество в вопросах философии. Невежливость реплики усиливается употреблением в ее конце ругательства, что позволяет миссис Хиггинс, не одобряющей философскую тираду сына, свести разговор на отсутствие у него манер.

Риторические вопросы могут сопровождаться комментариями говорящего, подводящими реципиента к ответу. Как мы уже имели возможность наблюдать, иногда риторические вопро-

¹⁹ Гедонизм, особенно в непрофессиональной (философской) коммуникации, порой трактуется в качестве аморальной мировоззренческой установки, но на самом деле концепт «удовольствие» сложен и открыт различным интерпретациям. В ряде влиятельных гедонистических учений, в том числе эпикурейском, удовольствие – это прежде всего освобождение от боли и страданий, а не плотское наслаждение, как правило, чуждое мудрецу.

²⁰ Термин Дж. Калпепера [Culpeper, 2011, pp. 28–31].

сы следуют один за другим, что со стилистической точки зрения придает речи выразительность, а временами – возвышенность и афористичность. Для того чтобы философские проблемы воспринимались не как нечто отрешенное от реальности, активно употребляются личные местоимения, в том числе первого лица (I, we):

PICKERING. ... *If this girl is to put herself in your hands for six months for an experiment in teaching, she must understand thoroughly what she's doing.*

HIGGINS. *How can she? She's incapable of understanding anything. Besides, do any of us understand what we are doing? If we did, would we ever do it?* (Шой, 2022, с. 42).

Хиггинс, будучи холостяком, придерживается своеобразных взглядов на женщин и их роль в обществе, надо сказать, достаточно распространенных в первой половине XX в., получивших философское обоснование еще в трудах немецкого мыслителя А. Шопенгауэра (1788–1860) и его последователя Ф. Ницше (1844–1900), как известно, не имевшего успеха в любви. В целом на протяжении всей истории человеческой мысли было множество нелестных высказываний мужчин о представительницах прекрасного пола, но важно подчеркнуть, что на самом деле Хиггинс не презирает женщин – он лишь ставит под сомнение целесообразность дружбы или любви между противоположными полами. Общение с женщинами редко идет на пользу мужчине: женщины нарушают привычный ход жизни, вечно не соглашаясь с мужчинами, возможно, из-за своих принципов. Согласно его точке зрения, как только возникает привязанность мужчины к женщине, выясняется несовместимость их характеров, жизненных приоритетов, мечтаний и желаний:

HIGGINS [*dogmatically, lifting himself on his hands to the level of the piano, and sitting on it with a bounce*] ... *I find that the moment I let a woman make friends with me, she becomes jealous, exacting, suspicious, and a damned nuisance. I find that the moment I let myself make friends with a woman, I become selfish and tyrannical. Women upset everything. When you let them into your life, you find that the woman is driving at one thing and you're driving at another* (Шой, 2022, с. 48).

То, что реплика принадлежит философской коммуникации, диктуется ее содержанием. Авторский комментарий, в частности использование в нем наречия *dogmatically*, подтверждает серьезность взглядов оратора. С позиции стилистики философия Хиггинса обретает форму благодаря синтаксическому обрамлению – употреблению анафоры и хиазма. Важную роль в достижении говорящим лингвопрагматического эффекта играют и синонимические ряды (*jealous, exacting, suspicious; selfish and tyrannical*). Обыденный же характер замечания Хиггинса подчеркивается включением в дискурс разговорной лексики *damned*, носящей характер ругательства, не говоря уже о некоторой нелепости, комичности всей ситуации: профессор лингвистики рассуждает сидя на пианино.

Согласно воззрениям героя пьесы, мужчина и женщина только мешают друг другу в достижении своих идеалов и целей, они идут разными путями:

HIGGINS [*coming off the piano restlessly*]. *Oh, Lord knows! I suppose the woman wants to live her own life; and the man wants to live his; and each tries to drag the other on to the wrong track. One wants to go north and the other south; and the result is that both have to go east, though they both hate the east wind* (Шой, 2022, с. 48).

Восклицание *Oh, Lord knows!* ('О, Бог знает!') характеризует обыденный, повседневный дискурс. Выражение *I suppose* указывает на личное мнение ученого. Философский аспект вводится в речь говорящего тематически. Ее выразительность достигается с помощью стилистических средств: актуализации безличного местоимения *one*, эллипсиса, антонимов *north – south*; обращения к синекдохе и метафорическим образам (см. выделенные фразы).

Рассуждение о взаимоотношениях полов осложняется сексизмом, совсем не чуждым дискурсивной практике начала XX в. Причем гендерная дискриминация, если она вообще имеет место, в речи героев пьесы не принимает форму мизогинии: скорее, это неявный сексизм²¹,

²¹ К примеру, думается, неслучайно одно обстоятельство, которое можно и не заметить, если не погружаться в контекст описываемого исторического времени: почти все философские высказывания, встречающиеся в пьесе,

который наблюдаем лишь с позиций современности с ее повышенной чувствительностью ко всем вопросам, касающимся гендера (недаром в гуманитарной науке течение *gender studies* так влиятельно). Более того, в анализируемом литературном труде в рамках обыденного дискурса встречаются оскорбительные формулировки и в адрес мужчин:

PICKERING. *Oh, I see. The problem of how to pass her off as a lady.*

HIGGINS. *I'll solve that problem. I've half solved it already.*

MRS. HIGGINS. *No, you **two infinitely stupid male creatures**: the problem of what is to be done with her afterwards* (Шоу, 2022, с. 94).

Через эпитет *infinitely* передана безграничность глупости двух героев пьесы, при этом сделан акцент на том, что они «существа мужского рода».

Сам факт того, что Хиггинс берется за обучение девушки, многозначителен: в обществе, в котором женщины были лишены избирательных прав, несмотря на движение суфражисток, еще в XIX в. выдвигавших не только политические, но и экономические и гражданские требования [Кизима, 2007, с. 5], отношение к педагогическому эксперименту профессора могло бы быть негативным. Эмансипация женщин не одобрялась многими европейцами, но, очевидно, не профессором Хиггинсом. Он в своих высказываниях выступает скорее сторонником феминисток, нежели их противником, как, собственно, и его друг Пикеринг, что свидетельствует в пользу широты их взглядов, приверженности социально-экономической философии фабианства, которую разделял и сам Б. Шоу [Флоря, 2018, с. 242]. Вопрос отражения феминистских идей в пьесе «Пигмалион», так называемый «женский вопрос», получавший освещение в ряде работ, в том числе цитируемых в настоящей статье, на наш взгляд, заслуживает отдельного рассмотрения.

Иногда обыденно-философский дискурс строится на референции к народной мудрости, заложенной, например, в пословицах и поговорках, нередко переосмысляемых, наделяемых дополнительными пластами смысла, о чем свидетельствует следующее высказывание Хиггинса, отразившее лингвокреативность его языковой личности:

HIGGINS. *It is these little things that matter, Pickering. **Take care of the pence and the pounds will take care of themselves is as true of personal habits as of money*** (Шоу, 2022, с. 51).

Фразеологическая единица *take care of the pence and the pounds*, условно переводящаяся на русский язык как «копейка рубль бережет», здесь употреблена по отношению к привычкам: имеется в виду, что любые мелочи формируют характер человека. Внимание к детали важно для Хиггинса и как для человека, и как для ученого-лингвиста, и как для философа, пусть и не профессионального.

В обыденно-философском дискурсе переосмысливаются и некоторые философские афоризмы. На этот раз воспользуемся примером из реплик Пикеринга, которому свойственны рассудительность, благоразумие, в результате чего порой именно он выступает в роли педагога (но, как правило, не философа), в определенной степени компенсируя некоторую грубость своего друга:

PICKERING (interrupting him). *Come, Higgins: **you must learn to know yourself*** (Шоу, 2022, с. 89).

Античное философское изречение «Познай самого себя» (лат. *Nosce te ipsum*; англ. *Know thyself*) в несколько измененной форме, в частности, с отказом от устаревшего местоимения *thyself* и употреблением модального глагола *you must* вместо императива, использовано Пикерингом при обращении к Хиггинсу.

В целом главный герой пьесы, как, впрочем, по понятным причинам, и героиня, претерпевает необыкновенную трансформацию. Разница лишь в том, что Элиза может быть представлена победительницей, а вот Хиггинс, казалось бы, выиграв пари, оказывается в проигрыше.

принадлежат мужчинам – чуть более 100 лет назад женщины хоть и получили право учиться, но не могли позволить себе свободно рассуждать о морали, добродетели, политике и т. п., так как общество не поняло бы и осудило их.

Его философия, его воззрения, особенно взгляды на свою ученицу и педагогический процесс в целом, во многом оказываются неверными, и он, как человек образованный и, несмотря на приверженность лингвосоциальным предрассудкам и предубеждениям своего времени, обладающий широким кругозором и пытливым умом, это понимает, в чем и заключается драма анализируемого произведения.

Как отмечает А. В. Флоря, профессор после удивительно успешного выхода своей ученицы в свет оказывается опустошенным: в IV акте он изображен уставшим, апатичным человеком, во многом презиравшим высшее общество, не принадлежащим ему, против своей воли начинающим осознавать антигуманность предпринятого им педагогического эксперимента. Полное же постижение несостоятельности, как минимум некоторых элементов его философии, приходит к ученому уже в V акте [Флоря, 2018, с. 240]. При этом он все равно не может отказаться от своего «холостяцкого» видения мира, о чем свидетельствует одна из заключительных фраз Хиггинса в пьесе:

HIGGINS. ...Five minutes ago you [Eliza] were like a millstone around my neck. Now you're a tower of strength: a consort battleship. You and I and Pickering will be three old bachelors together instead of only two men and a silly girl (Шой, 2022, с. 153).

В словах Хиггинса звучит комплимент в адрес Элизы – она изображается более не хрупкой глупой девушкой, а воплощением силы (a tower of strength). По его мнению, Элиза, несмотря на ее гендерную принадлежность, может занять место в ряду мужчин, что является, конечно же, комплиментом в ее адрес. Однако действительно ли Хиггинс преобразил свою ученицу? И даже если ответить на этот вопрос положительно, разве он в конечном итоге, подобно кипрскому правителю Пигмалиону, изваявшему статую, полюбившему ее, но встретившему в ее лице только месть, не терпит жестокое поражение?

Есть в названии пьесы и иной смысл: Элиза в своем первоначальном состоянии бедной девушки-цветочницы, говорившей на диалекте, была более живой, более естественной, чем та Элиза, которая после курса обучения познала тонкости правильного произношения, грамматики, манер поведения. В каком-то смысле она превращается в статую («старого холостяка», по выражению ее учителя), и Хиггинс, как человек проницательный, не может это не чувствовать.

Философствованием могут заниматься не только образованные, но и неграмотные люди; в анализируемой пьесе философские замечания делает, например, Альфред Дулиттл, отец Элизы, работающий мусорщиком. Тем не менее его риторика, несмотря на фонетические и грамматические ошибки в использовании оратором английского, настолько убедительна, что с ней вынуждены согласиться и Хиггинс, и Пикеринг.²² Это еще раз показывает, что дискредитация людей на основании их лингвистических знаний и компетенций, практиковавшаяся в начале XX в., не только вступает в противоречие с современными этическими принципами, но и неуместна ввиду предвзятости такого подхода. Сам Альфред подчеркивает, что он думающий человек, несколько раз применяя глагол think наряду с фразой *a thinking man*:

DOOLITTLE. ... What am I, Governors both? I ask you, what am I? I'm one of the undeserving poor: that's what I am. Think of what that means to a man. It means that he's up agen middle class morality all the time. ... cause I'm a thinking man. ...

DOOLITTLE. ... I've heard all the preachers and all the prime ministers – for I'm a thinking man and game for politics or religion or social reform same as all the other amusements – and I tell you it's a dog's life anyway you look at it (Шой, 2022, с. 61).

В данных фрагментах, казалось бы, исключительно обыденного дискурса, изобилующего грамматическими ошибками и лексическими неточностями, тем не менее употреблены риторические приемы; в частности, использована ответно-вопросная форма подачи информации,

²² Ср.: *HIGGINS. Pickering: if we listen to this man another minute, we shall have no convictions left* (Шой, 2022, с. 63).

применены вокативы (*Governors both*) и апеллятивные конструкции (*I ask you*). Актуализирована здесь и общественно-идеологическая лексика. С тематической точки зрения мы наблюдаем протест говорящего, презентующего себя в весьма не характерной для человека его социального статуса роли думающей, размышляющей личности²³, выступающей против морали среднего класса. Неприятие последней подчеркнуто также в других репликах героя, склонного, как и свойственно непрофессиональному философу, к персонализации социально-философских проблем:

DOOLITTLE. ...What is middle class morality? Just an excuse for never giving me anything... (Шоу, 2022, с. 61).

Вся ирония заключается в том, что Дулиттл обращается к красноречию лишь для того, чтобы выпросить у Хиггинса пять фунтов. Отец Элизы, тем не менее, не ставит во главу угла деньги – он отказывается, к примеру, от предложенных ему десяти фунтов, мотивируя свое решение следующим образом:

DOOLITTLE. Ten pounds is a lot of money: it makes a man feel prudent like; and then goodbye to happiness (Шоу, 2022, с. 63).

Другими словами, согласно житейской философии простого рабочего, счастье не в деньгах – деньги нужны лишь в небольшом объеме и только для того, чтобы их можно было сразу же потратить. При этом бедным людям, согласно позиции героя пьесы, вовсе чуждо понятие морали²⁴, но своими действиями, в частности отказом принять большую сумму денег, чем он изначально попросил, Дулиттл доказывает обратное: у него есть свое понимание того, что хорошо и что плохо. Однако не стоит идеализировать фигуру Альфреда, наделяя героя пьесы в некоторых сценах фрондирующим сознанием: он не только склонен к злоупотреблению алкоголем, но и разделяет, как и подавляющее большинство его современников, ряд предрассудков, особенно когда вопрос касается женщин:

DOOLITTLE. Take my advice, Governor: marry Eliza while she's young and don't know no better. If you don't you'll be sorry for it after. If you do, she'll be sorry for it after; but better you than her, because you're a man, and she's only a woman and don't know how to be happy anyhow (Шоу, 2022, с. 63).

Счастье, по словам Дулиттла, недостижимо для женщин: они просто не знают, как быть счастливыми. Все ответственные решения должен принимать мужчина.

В конце анализируемой пьесы Дулиттл, получая право читать лекции за высокий гонорар, становится богатым, но эта жизненная метаморфоза принесла с собой нежелательную, как минимум с точки зрения самого персонажа, трансформацию его в человека среднего класса – человека, которого он презирает, но отказаться от больших денег на этот раз герой пьесы не может. Как следствие, Альфред становится жертвой морали среднего класса, которую имеет основания отвергать:

DOOLITTLE. ... It's easy to say chuck it [money]; but I haven't the nerve. Which of us has? We're all intimidated. Intimidated, ma'am: that's what we are. What is there for me if I chuck it but the workhouse in my old age? (Шоу, 2022, с. 128).

Ср.: *DOOLITTLE (sadly). Intimidated, Governor. Intimidated. Middle-class morality claims its victim* (Шоу, 2022, с. 140).

Через эпитет *intimidated*, а также метафору *middle-class morality claims its victim* говорящий подчеркивает свое бессилие преодолеть гнетущие его эмоции; но речь в данном случае следует вести о слабости не конкретной личности, а скорее всех бедных людей, которые, пользуясь социальными лифтами, сталкиваются с нелегким выбором между неизбежной потерей своей идентичности и крайней нищетой:

²³ В данной связи можно вспомнить знаменитый картезианский принцип *cogito ergo sum*.

²⁴ На вопрос Пикеринга, есть ли у него какие-либо моральные ориентиры, А. Дулиттл отвечает, что, будучи бедным человеком, он не может себе позволить заботиться о морали: *Can't afford them [morals], Governor. Neither could you if you was as poor as me* (Шоу, 2022, с. 60).

DOOLITTLE: ...it's a choice between the Skilly of the workhouse and the Char Bydis of the middle class; and I haven't the nerve for the workhouse (Шой, 2022, с. 128).

Фразеологическая единица *to be between Scylla and Charybdis*, в речи Дулиттла несколько искаженная и одновременно измененная с помощью языковой игры (добавления в фразу метафорических компонентов *of the workhouse* и *of the middle class*), транслирует всю сложность положения таких индивидов, как он, – простых рабочих, которым даже если везет в жизни, приходится отказываться от своей среды, своего социального класса, полностью менять свое мировоззрение, переучиваться буквально во всем, и прежде всего – в вопросах пользования языком²⁵. При этом, как правило, полностью искоренить в себе черты среды, породивших их, эти люди не могут. В результате они обречены на маргинальное положение – не столько даже в обществе, сколько в общении со своей семьей, родными, близкими, друзьями и знакомыми. Такого рода болезненные социальные трансформации хорошо описаны на личном примере французским социологом Д. Эрибоном, прошедшим тернистый путь от провинциала до интеллектуала и известного ученого [Eribon, 2013].

В целом Дулиттл не испытывает иллюзий по поводу человеческой сущности – он не склонен ни идеализировать ее, ни представлять себе как полную пороков и несовершенств:

HIGGINS. ...Doolittle: either you're an honest man or a rogue.

DOOLITTLE (tolerantly). A little bot of both, Henry, like the rest of us: a little bit of both (Шой, 2022, с. 130).

Завершая дискуссию о (лингво-) и социофилософских проблемах, поднятых в канве рассматриваемого произведения, следует отметить, что не все из них отражены в рамках того, что мы предложили именовать обыденно-философским дискурсом. Фактически последний является не более чем интегративной частью драматургического дискурса, который скорее реализуется в парадигме общения «автор – читатель», нежели «персонаж – персонаж». В результате философские идеи могут не только не наблюдаться при анализе отдельных речений героев пьесы, но и выноситься в ее пролог, эпилог или вовсе излагаться в паратексте, как в следующем примере, где, согласно авторскому комментарию, констебль задумывается о тщетности надежд:

FREDDY. Sorry, constable. We've only just become engaged.

They run away.

The constable shakes his head, reflecting on his own courtship and on the vanity of human hopes. He moves off in the opposite direction with slow professional steps... (Шой, 2022, с. 118).

Заключение

Любая историческая эпоха, представленная сложной системой дискурсов, свойственных ей, характеризуется собственной идеологией и специфической философией, важное место в которой занимают лингвосоциальные воззрения общества, ведь язык – это не просто психосоциальный феномен, но и ключевой маркер власти (в широкой, фукианской концептуализации последней), принадлежащий как отдельным личностям, так и социальным группам и социуму в целом. Знание престижного языка – английского, французского, испанского, арабского и т. д., а в особенности его стандартной, нормативной разновидности, сопряжено с определенными, в ряде случаев весьма существенными привилегиями.

В начале XX в. данный принцип абсолютизировался: мифы о «правильном языке» и «вежливости», сформированные еще в XVIII в., диктовали положение индивида на социальной лестнице. В расчет часто принимались не личные качества, а внешние атрибуты (раса, гендер, возраст и др.), в числе которых был и язык (акцент, диалект). Несмотря на такое положение

²⁵ Это типичный механизм дискриминации, когда дискриминируемый индивид вынужден отказаться от самого себя или ряда черт, свойственных его личности.

дел, распределение дискурсивной власти оставалось нелинейным процессом, и даже обездоленные, дискриминируемые люди имели доступ к социальным лифтам. Однако использование последних, как правило, предполагало отказ от своих корней, полный или, как минимум, частичный разрыв с самим собой, а в наиболее трагических случаях – превращение в «статую».

Противостоять доминирующим дискурсам эпохи позволяют альтернативные дискурсы, включая драматургический, который может инкорпорировать обыденно-философский дискурс, порой полностью пересекающийся с принятыми лингвосоциальными, этическими, политическими и др. воззрениями, но иногда, как показывает, например, анализ реплик героев пьесы «Пигмалион», способный противостоять условной «морали среднего класса». При этом сам термин «обыденно-философский дискурс», предлагаемый в статье, на первый взгляд кажется своего рода оксюмороном: часто принято считать, что философия, наука о мудрости, доступна самым умным и образованным людям. Пейоративные коннотации слова «философствование» в повседневной коммуникации нередки. Тем не менее, если подходить к философии глобально, то становится ясно, что такое явление, как «обыденно-философский дискурс» имеет широкое бытование.

Очевидно, что в данной работе философский дискурс изучался на примере произведения художественной литературы, и все глубокие мысли, произносимые действующими лицами пьесы, на самом деле принадлежат одному человеку – Б. Шоу. С другой стороны, не вызывает никакого сомнения, что писателю удалось воспроизвести дух своей эпохи, начала XX в. Через внимательное отношение к деталям, а также обращение к технике речевого портрета автору удалось создать реалистичные, живые образы ряда своеобразных (языковых) личностей – персонажей его литературного труда.

Дальнейшее изучение лингвосоциальных и философских аспектов дискурса видится актуальным в связи с тем, что собственно филологических работ по этой теме, насколько нам известно, достаточно мало; так, есть тенденция причислять философский дискурс к научному или академическому, что, с одной стороны, может, и верно, но с другой, не позволяет сосредоточиться на специфике выделяемой дискурсивной среды, не говоря о том, что при таком подходе нельзя исследовать непрофессиональные или неинституциональные практики философствования. К тому же ясно, что выделение любого дискурса всегда в большей или меньшей степени носит условный характер, в связи с чем исследователям имеет смысл обращаться к таким терминам, как «национальный дискурс», «гибридный дискурс», «обыденный дискурс», «субдискурс».

Список литературы

- Биктимерова Д. А.** Реализация феминистских идей и представлений в пьесе Б. Шоу «Пигмалион» // Студент и наука (Гуманитарный цикл). 2020. С. 1170–1175.
- Борботько Л. А.** О разграничении понятий «художественный», «драматический», «драматургический» и «театральный» дискурс // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые, филологические и социокультурные аспекты. 2014. С. 359–365.
- Васенева Н. В.** К вопросу об особенностях характеров в пьесе Б. Шоу «Пигмалион» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. № 6. 2010. С. 133–136.
- Грошева А. В.** Политейнмент-дискурс: к определению понятия // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 4. С. 31–37.
- Давыдова К. А., Уарова О. В.** Особенности развития диалекта кокни в английском языке // Казанская наука. 2019. № 5. С. 130–132.
- Доррен Г.** Вавилон: Вокруг света за двадцать языков/Пер. с англ. М.: КоЛибри, 2020. 448 с.
- Каримова Д. Х.** Драматургический текст и драматургический дискурс: о соотношении понятий // Известия ВПГУ. 2012. № 6(70). С. 46–50.

- Каримова Д. Х.** Единицы вербализации телесности в драматургическом дискурсе (на примере американской драмы первой половины XX века) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 263–268.
- Кизима М. П.** «Пигмалион» Б. Шоу и современный феминизм // Наследие Бернарда Шоу и современность (к 150-летию со дня рождения английского драматурга), 2007. С. 5–28.
- Князева Н. А.** Средства индикации социального статуса литературного персонажа: аксиологический аспект (на материале пьесы Б. Шоу «Пигмалион») // Актуальные вопросы филологических наук. 2015. С. 16–20.
- Кондакова Е. А., Принципалова О. В.** Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 143–156.
- Кривоносов А. Д.** Публичная среда и публичные коммуникации в эпоху Интернета // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 1. С. 68–74.
- Мальцева И. А., Лебединская В. Г.** Развитие киберспортивной журналистики в контексте становления спортивного дискурса: опыт анализа медиатекста регионального сетевого издания «Юга.ру» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2022. №1(114). С. 84–90.
- Мальцева И. А.** Проблемы и перспективы развития киберспортивной журналистики. Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 4(118). С. 19–22.
- Михайлова О. Р.** Возможности применения эго-сетевого анализа для изучения распространения моральной паники на межличностном уровне // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 28–47.
- Сазонова А. Р.** Лондонское просторечие в пьесе Б. Шоу «Пигмалион» и особенности его передачи на русский язык // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира. 2018. С. 389–392.
- Трубецкова Е. Г.** Медицинский дискурс и/или морбуальный код: проблемы терминологии современного литературоведения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 186–191.
- Фефелов А. Ф.** Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 20(1). С. 126–144.
- Флоря А. В.** Необыкновенное пари: к философской проблематике комедии Б. Шоу «Пигмалион» // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28. № 2. С. 240–247.
- Чивильгина Е. В., Галичкина Е. Н.** Лексико-семантические особенности личных веб-страниц Д. А. Медведева (на примере интернет-сообщества твиттер) // Сборник научных статей «Когнитивная лингвистика». 2020. С. 292–298.
- Boyd M.** Participation and recontextualization in new media. Political discourse analysis and YouTube // From text to political positions: text analysis across disciplines/Ed. by M. B. Kaal, I. Maks & A. van Elfrinkhof. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2014. Pp. 245–268.
- Culpeper J.** Using language to cause offence. Cambridge: Cambridge Press, 2011. 292 p.
- Curzan A.** Fixing English. Prescriptivism and language history. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 197 p.
- Eribon D.** Returning to Reims. Tr. by M. Lucey. Paris: Semiotext(e), 2013. 255 p.
- Fairclough N.** Language and power. London: Longman Group, 1989. 259 p.
- Foucault M.** The archeology of knowledge and the discourse on language. New York: Pantheon, 1972. 254 p.
- Foucault M.** The history of sexuality: an introduction. Hammonsworth: Penguin, 1978. 168 p.
- Gilyard K.** True to the language game. African American discourse, cultural politics and pedagogics. New York: Routledge, 2011. 320 p.
- McEnery T.** Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present. London: Routledge, 2009. 276 p.

- Morgan L.** Ancient society or researches in the lines of human progress from savagery, through barbarism to civilization [Online]. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/45950/pg45950-images.html> (дата обращения: 14.01.2022).
- Rodionova T. V., Privalova I. V.** Peculiarities of Medical Discourse in Professional and Non-Professional Settings // *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1. Pp. 39–43.
- Tsesis A.** Destructive messages: How hate speech paves the way for harmful social movements New York: New York University Press, 2002. 245 p.
- Tylor E. B.** Primitive culture: researches into the development of mythology, philosophy, religion, art and custom. Vol. 1. London: John Murray, Albemarle street [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books/about/Primitive_Culture.html?id=AucLAAAAIAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 14.01.2022).
- Watts R. J.** Language myths and the history of English. Oxford: Oxford University Press, 2011. 338 p.

Список источников

- Шоу Б.** Пигмалион (книга для чтения на английском языке). М.: ГЛОССА-ПРЕСС, 2022. 224 с.

References

- Biktimerova D. A.** Realization of feminist ideas in B. Shaw's play 'Pygmalion'. *Student and Science. Humanity Cycle*, 2020, pp. 1170–1175. (in Russ.)
- Borbot'ko L. A.** On the distinction of notions 'belles-lettres', 'dramatic', 'dramaturgic' and 'theatrical' discourse. *Evolution and transformation of discourses: linguistic, philological and sociocultural aspects*, 2014, pp. 359–365. (in Russ.)
- Vaseneva N. V.** On the question of characters' peculiarities in B. Shaw's play 'Pygmalion' // *Science about human: humanities*, 2010, no. 6, pp. 133–136. (in Russ.)
- Grosheva A. V.** Politainment discourse: to the definition of the concept. *Sign: the problem field of media education*, 2022, no. 4, pp. 31–37. (in Russ.)
- Davydova K. A., Uarova O. V.** Peculiarities of development of the cockney dialect in English. *Kazan science*, 2019, no. 5, pp. 130–132. (in Russ.)
- Dorren G.** Babylon Babel: Around the World in 20 Languages. Tr. from English. Moscow: CoLibri, 2020. 448 p. (in Russ.)
- Karimova D. Kh.** Dramaturgic text and dramaturgic discourse: considering the correlation of the notions. *VPGU News*, 2012., no. 6(70), pp. 46–50. (in Russ.)
- Karimova D. Kh.** Units verbalizing corporality in discourse of drama (on the basis of American drama of the first half of the 20th century). *Modern problems of science and education*, 2015, no. 2-2, pp. 263–268. (in Russ.)
- Kizima M. P.** B. Shaw's 'Pygmalion' and modern feminism. *B. Shaw's legacy and modernity (to the 150th anniversary since the English playwright's birth)*, 2007, pp. 5–28. (in Russ.)
- Knyazeva N. A.** Means of indication of the literal character's social status: axiological aspect (on the basis of B. Shaw's play 'Pygmalion'). *Actual issues of philological sciences*, 2015, pp. 16–20. (in Russ.)
- Kondakova E. A., Principalova O. V.** Discourse on the linguistic implementation of the principles of political correctness in German political linguistics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 2, pp. 143–156. (in Russ.)
- Krivososov A. D.** Public environment and public communication in the Internet era. *Verkhnevolzhsky philological bulletin*, 2016, no. 1, pp. 68–74. (in Russ.)
- Mal'tseva I. A., Lebedinskaya V. G.** Development of esports journalism in the context of formation of sports discourse: experience of analyzing the media text of the regional online publication.

- Vestnik of Chuvash state pedagogical university named after I.Ya. Yakovlev*, 2022, no. 4(114), pp. 84–90. (in Russ.)
- Mal'tseva I. A.** Problems and prospects of development of esports journalism. *International scientific journal*, 2022, no 4(118), p. 19-22. (in Russ.)
- Mihajlova O. R.** The perspectives of ego-network analysis in the moral panic propagation studies on the interpersonal level. *Monitoring of social opinion: economic and social changes*, 2021, no. 2, pp. 28–47. (in Russ.)
- Sazonova A. R.** London's vernacular in B. Shaw's play 'Pygmalion' and peculiarities of its translation in Russian. *Dialogue of cultures – dialogue about peace and on the behalf of peace*, 2018, pp. 389–392. (in Russ.)
- Trubeckova E. G.** Medical discourse and/or morbuul code: problems of terminology of modern literary criticism. *News of the Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 186–191. (in Russ.)
- Fefelov A. F.** The discourse around Cancel Culture as an object of linguocultural and translation analysis: logic vs “logic”. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2022, no. 20(1), pp. 126–144. (in Russ.)
- Florya A. V.** An extraordinary bet: to the philosophical problems of B. Shaw's comedy “Pygmalion”. *Udmurt university Vestnik*, 2018, vol. 28., no. 2., pp. 240–247. (in Russ.)
- Chivil'gina E. V., Galichkina E. N.** Lexico-semantic peculiarities of D. A. Medvedev's personal websites (at the example of Twitter). *A collection of scientific articles 'Cognitive linguistics'*, 2020, pp. 292–298. (in Russ.)
- Boyd M.** Participation and recontextualization in new media. Political discourse analysis and You Tube // From text to political positions: text analysis across disciplines. Ed. by M. B. Kaal, I. Maks, A. van Elfrinkhof. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2014. Pp. 245–268.
- Culpeper J.** Using language to cause offence. Cambridge: Cambridge Press, 2011. 292 p.
- Curzan A.** Fixing English. Prescriptivism and language history. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 197 p.
- Eribon D.** Returning to Reims. Tr. by M. Lucey. Paris: Semiotext(e), 2013. 255 p.
- Fairclough N.** Language and power. London: Longman Group, 1989. 259 p.
- Foucault M.** The archeology of knowledge and the discourse on language. New York: Pantheon, 1972. 254 p.
- Foucault M.** The history of sexuality: an introduction. Hammonsworth: Penguin, 1978. 168 p.
- Gilyard K.** True to the language game. African American discourse, cultural politics and pedagogics. New York: Routledge, 2011. 320 p.
- McEnery T.** Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present. London: Routledge, 2009. 276 p.
- Morgan L.** Ancient society or researches in the lines of human progress from savagery, through barbarism to civilization [Online]. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/45950/pg45950-images.html> (accessed on: 14.01.2022).
- Rodionova T. V., Privalova I. V.** Peculiarities of Medical Discourse in Professional and Non-Professional Settings. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 39–43.
- Tsesis A.** Destructive messages: How hate speech paves the way for harmful social movements New York: New York University Press, 2002. 245 p.
- Tylor E. B.** Primitive culture: researches into the development of mythology, philosophy, religion, art and custom. Vol. 1. London: John Murray, Albemable street [Online]. URL: https://books.google.ru/books/about/Primitive_Culture.html?id=AucLAAAAIAAJ&redir_esc=y (accessed on: 14.01.2022).
- Watts R. J.** Language myths and the history of English. Oxford: Oxford University Press, 2011. 338 p.

List of Sources

Shaw B. Pygmalion (a book for reading in English). Moscow: GLOSSA-PRESS, 2022. 224 p.

Информация об авторе

Алексеев Александр Борисович, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры профессиональной языковой подготовки

Information about the Author

Alexander B. Alexeyev, Candidate of Philology, senior teacher at the Russian Academy of Economy and Public Administration, the chair of Professional Language Training

*Статья поступила в редакцию 23.12.2022;
одобрена после рецензирования 22.01.2023; принята к публикации 25.02.2023*

*The article was submitted 23.12.2022;
approved after reviewing 22.01.2023; accepted for publication 25.02.2023*